

Вилючинские акушеры сделали новорожденную девочку инвалидом

Сегодня семья Ворониных пытается как-то жить в сложившейся ситуации. Долгожданная беременность молодой мамы вылилась в семейную трагедию. Маленькая Настя родилась в мае 2016 года. Девочка пострадала при родах. Родители дошли до суда и доказали, что тяжелая инвалидность их дочери – это абсолютная вина врачей вилючинской городской больницы.

В феврале этого года Вилючинский городской суд решил: «Исковые требования Ворониной Алены Сергеевны (Имя и фамилия изменены. – **Ред.**) к государственному бюджетному учреждению здравоохранения Камчатского края «Вилючинская городская больница» (ГБУЗ КК «ВГБ»), Министерству здравоохранения Камчатского края о компенсации морального вреда удовлетворить»

Беды ничто не предвещало: на учет Алена встала своевременно. Все результаты анализов говорили, – должен родиться здоровый ребенок. Первый скрининг, второй скрининг, УЗИ никаких тревог врачей не вызвали. Беременность протекала легко, токсикоза не было. Врачом, который наблюдал будущую маму, была Лариса Петровна Усик, она же вела ее в родах.

Только теперь Алена вспоминает, что назначения от своего доктора получала несвоевременно, поскольку последняя могла забыть о такой необходимости, однако она продолжала находиться под ее наблюдением, поскольку полагала, что Лариса Петровна – компетентный врач, а несвоевременность назначений связывала с большой загруженностью. Она всегда интересовалась у врача течением своей беременности, на что получала ответ, что ей не о чем беспокоиться, все хорошо.

Последний прием в женской консультации ей был назначен на 4 мая 2016 года. На приеме врач Лариса Петровна сообщила Алене о необходимости направления в родильное отделение, при этом пояснила, что стимуляция родов осуществляться не будет, она будет в роддоме дожидаться родов – обстановка там к этому располагает.

При осмотре 6 мая заведующая родильным отделением Елена Борисовна Субботина предложила Алене дать согласие на индуцированные роды на 9 мая 2016 года, при этом врач пояснила, в чем заключается процедура, и сказала, что, если что-то пойдет не так, то ей проведут операцию кесарева сечения.

Согласие было подписано утром 7 мая. В это же утро около 7 часов акушерка Вера Михайловна (Мурзаева?) сказала Алене: «Пошли рожать». Никаких признаков начала родовой деятельности у нее не было. После 9 часов врач Лариса Усик сообщила молодой женщине, что на ночь она с ней оставаться боится, и нужно рожать сейчас. При этом, по словам Алены, врач и акушерка почему-то торопились. Алену отправили на смотровое кресло, где Лариса Петровна и акушерка провели какие-то манипуляции, а затем перевели на 2 этаж, забрав телефон и не дав возможности позвонить мужу, Алена только успела сообщить матери, что она пошла рожать.

В 11 часов в процедурном кабинете акушерка ввела, как она пояснила, обезболивающее, а затем установила капельницу с бесцветной жидкостью, по мнению Алены, с препаратом Окситоцин, после чего у нее практически сразу началась родовая деятельность.

Алена с ужасом вспоминает все происходящее: как ее вместе с капельницей перевели в родильный зал, как врач Усик наваливалась всем своим весом на живот, а медицинская сестра ей помогала, пытаясь выдавить ребенка. Но поскольку все попытки были безуспешны, ее заставили встать на пол, поясняя, что, может быть, под собственным весом ребенок продвинется. На полу она простояла около 50 минут, и, поскольку это было уже просто невыносимо, она встала на колени, чувствуя безразличие со стороны медицинских работников и их безучастие.

7 мая Алена все же родила ребенка. Доношенную и жизнеспособную девочку весом 3 кг 890 г, ростом 57 см.

Сразу же после рождения малышку на секунду положили к Алене и сразу забрали. Алена переживала, что дочка не кричит. При этом, как вспоминает молодая мама, медицинский персонал никак не мог найти какой-то препарат. Спустя некоторое время врач ей сказала, что ребенок в тяжелом состоянии, и ушла.

При воспоминании о процессе родов Алена плачет от боли и обиды. Она мечтала иметь много детей, но теперь ей страшно пройти через этот ад еще раз. Молодая женщина уверена, что именно результатом халатного и безответственного отношения врача к своим профессиональным обязанностям в родильном доме стало то, что здоровью ее дочери причинен непоправимый вред. Теперь ее состояние является самой большой трагедией в жизни их семьи. Они с мужем готовились к появлению первенца, строили планы, мечты о дальнейшей жизни с малышом, о совместном воспитании, о том, кем ребенок станет, куда пойдет.

В ходе судебного заседания выяснилось, что фактические действия медицинского персонала родильного дома значительно расходились с информацией в медицинских документах.

Анализируя результаты аналогичных судебных процессов в Петропавловске, можно предположить, что это такая традиция у наших медиков – фальсифицировать записи в медицинских картах пациентов. «Вести» неоднократно писали о людях «самой гуманной», по вине которых женщины не смогли стать мамами, а родившиеся дети обречены на инвалидность.

Если перечислять все имена пострадавших, это займет, пожалуй, четверть газетной полосы.

Вернемся к нашей невеселой истории. Как и все пациентки родильных домов, о которых мы рассказывали в наших публикациях, Алена за весь период беременности ни о плацентарной недостаточности, ни о гипоксии, ни о том, что страдает она или ее ребенок, ничего не слышала. Женщина делала то, что говорила ей врач, и не представляла, что ее ждет агрессивная стимуляция и насилие в родах. Так как роды были первые, она не спорила с медицинским персоналом, безоговорочно выполняя все указания врача. Алена считала, что находится в родильном отделении, где ей окажут необходимую, качественную и специализированную помощь вовремя и по показаниям.

Ребенка молодая мама увидела вечером 7 мая. Дочка находилась в открытом кувете, на подогревающем матрасике. У нее были судороги и огромная гематома на затылке, куда был приложен лед, была деформирована головка, на шее был воротник Шанца, установлены катетеры, а медсестры что-то вводили через них. Фотографировать ребенка ей не разрешили. Позднее Алена узнала (случайно!), что девочку подключили к

аппарату ИВЛ (искусственной вентиляции легких). Ей также не сообщили, что состояние ребенка ухудшается.

8 мая за новорожденной приехала машина Центра медицины и катастроф. Алене сказали, что ребенка переводят в Камчатскую краевую детскую больницу. Около 10 дней малышка провела в реанимации на аппарате ИВЛ и искусственном вскармливании.

После родов Алена в стационаре всю неделю переживала за состояние здоровья дочери, находившейся в реанимации между жизнью и смертью. В итоге ей сообщили, что даже если ребенок выживет, он будет тяжелым инвалидом, так как в связи с тяжелой асфиксией у малышки был отек мозга, и вся кора головного мозга в это время разрушалась. Алена до сих пор не может спокойно вспоминать, как тяжело ей было рядом со счастьем женщин, разделявших радость материнства со своими детьми. Прогнозы были неутешительными.

Александр, муж Алены, возмущен отношением местных докторов: полторы недели после выписки из роддома они прожили в Вилючинске, не зная, что делать дальше, так как рекомендации врачей носили странную информацию: «Время покажет, может, все и обойдется». Через какое-то время пришла педиатр, ознакомилась с историей болезни ребенка, осматривать малышку не стала и, только выйдя в другую комнату, сказала, что ей очень жаль.

При выписке из детской больницы Алене сказали, что в связи с органическим поражением мозга девочки имеется риск формирования ДЦП, эпилепсии и задержки психомоторного развития.

Что может чувствовать женщина, зная, что она никогда не сможет увидеть, как ее дочь сделает первые шаги и никогда не услышит, как она скажет «мама»? Ведь ее девочка до сих пор (маленькой Насе уже два с половиной года) не держит голову, не следит за игрушками, почти не видит и не слышит, не сидит, не ползает, не ходит и не говорит...

Специалистами страховой компании «СОГАЗ-Мед» в акте экспертизы написано: «Невыполнение, несвоевременное или ненадлежащее выполнение необходимых пациенту диагностических (лечебных) мероприятий, оперативных вмешательств в

соответствии с порядком оказания медицинской помощи, стандартами медицинской помощи и (или) клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи. [...] Имеется причинно-следственная связь между действиями медицинского персонала ГБУЗ КК «Вилучинская городская больница» и наступившими последствиями в виде рождения ребенка с интранатальной асфиксией тяжелой степени, гематомой в затылочной области и впоследствии инвалидностью ребенка».

Поражение центральной нервной системы у маленькой Насти в результате перенесенной асфиксии носит необратимый характер. Сегодня развитие девочки не соответствует ее возрасту. И Алена, вместо того чтобы наслаждаться жизнью молодой мамы, не может спокойно смотреть на ровесников своей дочери, испытывая при этом горечь и отчаяние. Ведь и ее ребенок мог бы быть физически полноценным, если бы не «помощь» медицинских работников. Она уверена: если бы не врачи, ее ребенок родился бы здоровым. Те, в свою очередь, как обычно, пытались свалить всю вину на свою пациентку.

От больницы близкие Насти требовали моральную компенсацию. И суд встал на их сторону. Правда, никакие деньги ситуацию уже не исправят. Родители знают, что Насте предстоит тяжелая жизнь. Девочка требует круглосуточного внимания и специализированного ухода. Родители ухаживают за ней сами. При этом чтобы хоть как-то исправить ошибку медиков, родители вынуждены лечить ребенка за пределами края. После выписки Алена с дочерью отправились в г. Санкт-Петербург для дополнительного обследования, где большинство профильных специалистов сошлись во мнении о неблагоприятном прогнозе для сознательной деятельности ребенка. И дорогостоящее лечение малышке будет необходимо в течение всей жизни.

В качестве компенсации морального вреда родители просили взыскать с больницы и минздрава 15 миллионов рублей. Прокуратура ЗАТО г. Вилучинск поддержала иск в полном объеме. Суд первой инстанции требования удовлетворил частично, взыскав с больницы, а при недостаточности средств с минздрава края, 4 миллиона рублей. Представители учреждения, не согласившись с решением суда, пытались его обжаловать, однако в Камчатском краевом суде оставили первоначальное решение без изменений.

Министерство здравоохранения Камчатского края традиционно возражало против заявленных требований, считая их «незаконными, необоснованными и не подлежащими удовлетворению». Представитель ответчика – Министерства здравоохранения

Камчатского края – Устюгов Р. А. в письменном отзыве на иск Алены заявляет: «По мнению Министерства перечисленные истцом в исковом заявлении обстоятельства, обосновывающие ее требования, основаны на выводах экспертов ОАО Страховая компания «СОГАЗ», являющихся заинтересованным лицом».

(Неслабое заявление! В чем именно, хотелось бы узнать, заключается «заинтересованность» страховой компании? Ее специалисты вряд ли получают проценты от суммы иска. – **Ред.**)

Далее господин Устюгов продолжает свои литературные изыски: «Истец не указала, в чем конкретно заключается нарушение его интересов, какое право нарушено со стороны ответчика, истец не обращалась в адрес ответчика с жалобами и обращениями, в том числе, возможно, и для досудебного урегулирования возникшей ситуации. При этом позиция Министерства основана на объективном понимании, что часть выводов экспертного заключения указывает на наличие недостатков (дефектов) при оказании медицинских услуг Воробьевой Е. С. в родах, Министерство полагает, что обстоятельства, указанные в ст. 32 Федерального закона от 21 ноября № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорят об отсутствии причинно-следственной связи с наступившими негативными последствиями для истца, что, поскольку истец не указывает в своем исковом заявлении о том, какие действия (бездействия) исключило бы наступление негативных последствий для истца, его вывод о наличии причинной связи в действиях ГБУЗ КК «Вилучинская городская больница» и причинением ребенку истца непоправимого вреда здоровью, неверен.

Сам по себе неблагоприятный исход при оказании медицинской помощи не является достаточным основанием для возложения ответственности на лечебное учреждение, поскольку в медицинской практике неблагоприятный исход может иметь место как в результате ненадлежащих действий медицинского персонала, так и в результате надлежащих действий, когда медицинский работник надлежащим образом выполнил свои профессиональные обязанности, а неблагоприятные последствия все же наступили, и их нельзя было избежать».

Ну, если наша страховая компания – лицо заинтересованное, по мнению местного минздрава и его представителя, то вряд ли в этом можно обвинить Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, эксперты которого также ответили на заданные им 24 вопроса:

«Какой объем медицинской помощи должен был быть оказан и в полном ли объеме была оказана ГБУЗ Камчатского края «Вилючинская городская больница» медицинская помощь Ворониной А. С. в период с 22 сентября 2015 года (момент постановки на учет по беременности) по 7 мая 2016 года включительно (рождение ребенка) по стандартам и нормативам, действующим в 2016 году, имелись ли дефекты (недостатки) при оказании медицинской помощи? Если не в полном объеме, и если имелись дефекты при оказании медицинской помощи, то какие? Являются ли данные дефекты причиной возникновения и развития патологий (заболеваний) у ребенка, и повлияли ли они на физиологические функции органов новорожденной?»

[...] При поступлении на родоразрешение Ворониной А. С. был установлен диагноз: беременность 40 недель, головное предлежание, ХФПН (хроническая фетоплацентарная недостаточность), при этом обоснования диагноза ХФПН в карте не имеется. В процессе родов до момента рождения ребенка по мере возникновения осложнений устанавливались диагнозы: «раннее излитие околоплодных вод», «слабость потуг». Следует отметить, что диагноз «слабость потуг» поставлен необоснованно, так как потуги через 15–20 секунд по 40–45 секунд являются чрезмерно сильными. В связи с этим показаний к назначению лекарственного средства Окситоцин не имелось.

Таким образом, при оказании медицинской помощи в процессе родов имели место следующие недостатки:

1. При установленном Ворониной А. С. ХФПН роды должны проводиться под постоянным мониторным контролем за состоянием плода (КТГ, что не было в полной мере проведено. В истории родов имеются записи КТГ, но каким-то образом высказаться о правильности проведения КТГ в связи с противоречиями в медицинской документации не представляется возможным. Последний мониторный контроль за состоянием плода был закончен в 10 часов 07.05.2016, далее состояние плода контролировалось только стетоскопом.

2. В связи с вышеизложенным, отсутствием постоянного мониторингового контроля за состоянием плода было упущено время начала страдания плода и диагноз «гипоксия плода» был выставлен с большим опозданием, учитывая рождение ребенка в асфиксии тяжелой степени.

3. По данным медицинской документации, роды у Ворониной А. С. осложнились клинически узким тазом. Однако, несмотря на это, было продолжено консервативное ведение родов через естественные родовые пути.

[...] Все вышеперечисленные недостатки оказания медицинской помощи Ворониной А. С. повлекли за собой возникновение патологии плода у новорожденной – тяжелой асфиксии, перинатального поражения ЦНС гипоксически-ишемического генеза, развития дыхательной недостаточности 3 степени, оказали негативное влияние на функции ЦНС.

На вопрос: «Возможно ли было до начала родов спрогнозировать либо обнаружить во время первого этапа родов симптомы гипоксии плода при проведении необходимых диагностических мероприятий?», эксперты дают ответ: «В представленной истории родов при совместном осмотре заведующей родильного отделения и лечащего врача акушера-гинеколога от 06.05.2016 10:00 указано, что «КТГ – компенсированная гипоксия плода», при этом время записи данной КТГ не указано, должной оценки результатов КТГ в медицинской документации не приведено, план родоразрешения не скорректирован, постоянный мониторинг КТГ не проводился должным образом. В дальнейшем, до начала родовой деятельности, по результатам проведенных КТГ симптомом гипоксии плода в медицинской документации не было. При постоянном мониторинге за состоянием плода симптомы гипоксии возможно обнаружить в любом периоде родов. В связи с отсутствием постоянного контроля КТГ за состоянием плода было упущено время начала страдания плода.

[...] При проведении постоянного мониторинга КТГ и его правильной интерпретации имелась возможность своевременного обнаружения начала страдания плода и предотвращения развития острой гипоксии у новорожденной с дальнейшим поражением ЦНС

На вопрос: «Имеется ли причинно-следственная связь между действиями (бездействием) медицинского персонала ГБУЗ КК «ВГБ» и наступившими последствиями в виде рождения ребенка с интранатальной асфиксией тяжелой степени, гематомой в затылочной области и впоследствии инвалидностью ребенка?», дан исчерпывающий ответ: «Причинно-следственная связь между действиями (бездействием) медицинского персонала ГБУЗ КК «ВГБ» и наступившими последствиями в виде рождения ребенка с интранатальной асфиксией тяжелой степени, гематомой в затылочной области и впоследствии инвалидностью ребенка имеется».

На наш взгляд, все понятно любому, не имеющему специального медицинского образования, человеку.

Врач Лариса Усик сообщила суду, что «...в родзале Воронина вела себя физически очень активно, шевелила телом в разные стороны, изгибалась, при этом аппарат КТГ стоял в родзале, но зафиксировать датчики было невозможно, они съезжали, запись сделать было невозможно, кроме этого, сердцебиение плода прослушивалось ею после каждой потуги ухом. Данные аппарата не всегда соответствует тому, что слышно ухом, или наоборот, поэтому данные дублируются».

Затем она пояснила, что, несмотря на отсутствие на последней пленке КТГ фамилии истицы и даты, она относится именно к ней, а связано это с тем, что аппарат КТГ старый, настройки сбиваются. В родзале запись КТГ сделать не получалось, на ней были точки и запятые, оно не читалось, не несло никакой информации, в связи с чем не была сохранена».

В заключение своей пламенной речи Лариса Петровна добавила: «Никакой врач не желает навредить человеку, а хочет приносить пользу и радость, в данном случае родителям в связи с рождением здорового ребенка, но случилось то, что случилось, непоправимая ситуация».

Она считает, что сделала все возможное, чтобы родился живой и здоровый ребенок, своей вины в этом не видит. А «неграмотно заполненная история родов не является последствием некачественного оказания медицинской услуги». Меры дисциплинарного взыскания к ней не применялись.

А представитель ответчика ГБУЗ КК «Вилючинская городская больница» Василий Бородавкин «напомнил» суду, что «при определении размера компенсации морального вреда должны соблюдаться принципы разумности и справедливости, а также приниматься во внимание все обстоятельства, которые имели место быть. Согласно предоставленным сведениям о финансовом состоянии больницы общая сумма финансовых средств больницы составляет 341 000 000 рублей в год, включая заработную плату сотрудников, покупку медицинского оборудования, коммунальные услуги, содержание помещений. Заявленная истцом к взысканию компенсация морального вреда в размере 15 000 000 рублей составляет примерно 8 % от финансирования больницы, при этом изъятие такой суммы из учреждения повлечет уменьшение финансирования больницы, как следствие, ухудшение качества и доступности медицинской помощи, невозможности оказания медицинской помощи в том объеме, в котором она оказывается, в меньшем объеме будет приобретено

оборудование, лекарства, меньше будет заработная плата, в том числе, и у врачей, то есть окажутся наказанными люди, которые не имеют отношения к делу: врачи других подразделений, медицинский персонал, пациенты».

Также господин Бородавкин просил суд принять во внимание практику, сложившуюся по Камчатскому краю, где самая большая сумма, которая взыскивалась по делам данной категории, не более 1 000 000 рублей при гибели пациента.

Как говорится, комментарии излишни.

Татьяна СТЕПАНОВА